

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Московскою Духовною Академіею.

ДЕКАБРЬ

1894.

2-я типографія

А. И. Смирновой въ Сергеевскъ Пасаждъ Московск. губ.

1894.

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ІЕЗУИТИЗМѢ ¹).

По поводу выхода графа Гёнсбреха изъ ордена іезуитовъ.

Отъ характеристики обычной повседневной жизни въ іезуитскомъ орденѣ графъ Гёнсбрехъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ *религіозно-аскетической* жизни іезуитовъ, предваряя свои разсужденія общимъ замѣчаніемъ, что и въ этой области христіанинъ также имѣетъ совершенно законное право и возможность сохранить и проявить свою индивидуальность. Съ какою покорностію ни подчинялся бы онъ богооткровеннымъ истинамъ, съ какою готовностію ни выполнялъ бы онъ предписанныя Богомъ религіозныя упражненія,—все еще остается не мало мѣста для его частнаго личнаго благочестія. Въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ своего сердца онъ свободенъ бесѣдовать съ Богомъ своимъ такъ или иначе. И это жизненное внутреннѣйшее взаимоотношеніе Творца и Его творенія всегда должно оставаться свободнымъ, не подлежа шаблону, ибо „Богъ, давшій человѣку *христіанство*, есть вмѣстѣ и Творецъ *человѣческой природы*, и конечно Онъ отнюдь не хотѣлъ подавлять однимъ другое“ (стр. 20).

Не то видимъ въ іезуитизмѣ. Его аскетизмъ стремится поставить человѣка въ строго-опредѣленные рамки не только по отношенію къ содержанію и основнымъ формамъ богопочитанія—къ догмату и морали, но даже и по отношенію къ его частному благочестію. Внутреннѣйшее общеніе человѣка съ Богомъ должно происходить не иначе, какъ только въ іезуитскихъ формахъ. Свободному самоопредѣленію здѣсь рѣшительно ничего не предоставлено; все дол-

¹) Окончаніе. См. январ. кн. Богословскаго Вѣстника.

жно подчиниться правилу. „Только иезуитами написанные молитвенники даются въ руки новицію; только изъ иезуитскаго ордена житія святыхъ можетъ онъ читать.... Какъ религіозное учрежденіе, иезуитскій орденъ представляется ему всегда наивысшимъ совершенствомъ, идеаломъ аскетизма. Никакой другой орденъ католической церкви въ этомъ отношеніи не можетъ съ нимъ сравняться“... Новиціямъ постоянно внушается, что духъ иезуитизма есть совершеннѣйшее отраженіе духа Самого Христа, по содержанію и формѣ... Словомъ, здѣсь полнѣйшая и исключительная монополія на христіанское совершенство.

Генсбрехъ говоритъ о себѣ, что въ первые же годы пребыванія своего въ орденѣ онъ былъ неприятно пораженъ постояннымъ проявленіемъ этого иезуитскаго духа, этого горделиваго самопревозношенія. „Въ самыхъ приемахъ иезуитскаго мышленія и писательства,—говоритъ онъ,—иногда тише, иногда громче, но почти всегда явственно, слышится извѣстное слово: „Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди“ (стр. 21—22).

„Въ такой-то умственно-религіозной атмосферѣ,—прибавляетъ Генсбрехъ,—живетъ юный иезуитъ, тщательно оберегаемый отъ малѣйшаго вѣянія какого-либо иного направленія,—живетъ нерѣдко въ продолженіе 12 и 15 лѣтъ. Уже одно только это постоянное вдыханіе такого, всегда одинаковаго, воздуха могло бы доставить духу иезуитизма полное господство надъ всякимъ индивидуальнымъ религіознымъ движеніемъ. Но къ этому присоединяются еще другія энергическія средства“.

Къ числу таковыхъ средствъ онъ относитъ прежде всего 30-дневныя „духовныя упражненія“ (exercitia spiritualia), совершаемыя новиціями въ полномъ уединеніи и строжайшемъ молчаніи, ежедневно въ продолженіе 4 часовъ ¹⁾. Эти аскетическія упражненія новиціата повторяются затѣмъ и въ терціатѣ, съ точно такою же строго-уединенною и молчаливою обстановкою, но уже съ 5-часовою продолжительностію (пятый часъ—самый фантастическій и глубокомысленный, отъ 12 до 1 ч. ночи). Въ промежуточное же время между этими стадіями иезуитскаго развитія, равно какъ и вообще во всю свою жизнь, каждый иезуитъ обя-

¹⁾ На каждое упражненіе полагается часъ времени.

занъ ежегодно посвящать на „экзерциціи“, по крайней мѣрѣ, восемь полныхъ дней.

Не возражая ничего противъ объективнаго достоинства этой аскетической системы, даже признавая его безспорнымъ, авторъ брошюры высказываетъ большое негодованіе лишь по поводу того, что „здѣсь личный взглядъ на благочестіе *одного* индивидуума, именно—Игнатія Лойолы, основателя ордена, навязывается *всѣмъ* членамъ ордена, и тысячи индивидуальностей въ своемъ личномъ отношеніи къ Богу и въ своемъ пониманіи аскетизма обязаны руководствоваться предписаніями этого *одного* человѣка“ (стр. 23).—Нельзя конечно не присоединиться къ этому осужденію иезуитскаго аскетизма, высказанному въ столь мягкой формѣ. Всѣмъ и каждому достаточно извѣстно, что для нравственнаго совершенства нѣкоторыхъ христіанскихъ подвижниковъ было полезно проводить жизнь на столпахъ, спать въ заранѣе приготовленныхъ гробахъ, зарывать себя по грудь въ землю, принимать на себя подвигъ юродства и т. д. и т. д. Но развѣ можно было бы побуждать къ чему-либо подобному цѣлыя тысячи христіанскихъ юношей, внушая имъ, что это—самый вѣрный и лучший (если не единственный) способъ угодить Господу?! Очевидно, это было бы страшнымъ насиліемъ надъ человѣческой личностію, насиліемъ нелѣпымъ и жестокимъ, основаннымъ на обманѣ и неимѣющимъ для себя ни малѣйшаго оправданія.

Намъ думается однако же, что Генсбрехъ высказалъ приговоръ системѣ иезуитскаго аскетизма въ *слишкомъ* мягкой и снисходительной формѣ, такъ какъ и объективное-то достоинство этой системы, на нашъ взглядъ, далеко не безспорно. Въ самомъ дѣлѣ, — что такое представляютъ собою Лойоловскія exercitia spiritualia? Къ крайнему нашему сожалѣнію, Генсбрехъ оставилъ это совсѣмъ невыясненнымъ; почти ни слова не говоритъ онъ о томъ, въ чемъ собственно состоятъ эти „духовныя упражненія“. Онъ ограничился почему-то самою общою и краткою замѣткою, что эта психологически-религіозная система составлена Игнатіемъ Лойолою, что исходнымъ пунктомъ ея послужили основныя христіанскія истины, что она близко примыкаетъ къ событіямъ земной жизни Господа, и что обнимаетъ она всѣ ступени благочестія. Къ ней присоединяются еще, по его словамъ,—

dazu kommen—различныя наставленія касательно испытанія совѣсти, молитвы, умерщвленія плоти, касательно дѣлъ христіанскаго милосердія, словомъ—наставленія касательно при-мѣненія разныхъ средствъ покаянной дисциплины (стр. 22—23). Не только при бѣгломъ чтеніи всей совокупности этихъ выраженій, но даже при внимательномъ вчитываніи и обдумываніи каждаго изъ нихъ, остается очень неяснымъ,—въ чемъ же *суть* іезуитскихъ „духовныхъ экзерцицій“? Въ чемъ состоятъ они, если даже молитва и испытаніе совѣсти не *составляютъ* ихъ, а лишь *присоединяются* къ нимъ?.. Не находя желательнаго разъясненія у Гёнсбреха, поищемъ его въ другихъ мѣстахъ.

Съ великимъ удовольствіемъ и безъ особыхъ хлопотъ заимствовалъ бы я это разъясненіе у Грингера изъ капитальной книги его объ іезуитахъ. Но мнѣ могли бы тогда возразить, что это—свидѣтельство противника, и что я не въ правѣ придавать ему полную вѣру, не провѣривъ его. На мое счастье, въ библиотекѣ Московскаго Университета нашелся отличный экземпляръ Лойоловскихъ exercitia spiritualia изд. 1620 г. и я вычиталъ въ этой книжкѣ почти буквально все то, что приведено у Грингера. Вотъ напр. *пятое* упражненіе *первой* недѣли ¹⁾.

Сущность его заключается во всестороннемъ *cozercationi ada*—contemplatio de inferno. Въ воображеніи своемъ іезуитъ долженъ живо представить себѣ адъ „въ его длинѣ, широтѣ и глубинѣ“ (longitudine, latitudine ac profunditate).

Частнѣе: первый пунктъ этого упражненія предписываетъ „*видѣть* въ своемъ воображеніи (*spectare per imaginationem*) необъятное пламя ада и самыя души, заключенныя въ горящія тѣла, какъ бы въ темницы“.

Второй пунктъ заставляеть „*слышать* въ своемъ воображеніи (*audire imaginarie*) бѣнія въ грудь, рыданія, вопли и т. д., хулы на Христа и святыхъ Его, доносящіяся оттуда“.

Третій: „даже *обонять* воображеніемъ (*imaginatio etiam olfactu*) запахъ дыма, сѣры, нечистоты и всякой гнили“.

Четвертый: „подобнымъ же образомъ ощущать и *вкусомъ* (*gustare similiter*) горечь слезъ, червей и проч.“.

¹⁾ Въ 30-дневныя упражненія распределены въ книжкѣ по четыремъ недѣлямъ.

Пятый: „нѣкоторымъ образомъ даже *осязать* (*tangere quodammodo*) тотъ огонь, прикосновеніемъ котораго опаляются души грѣшниковъ“.

„Въ то же самое время, *разговаривая* со Христомъ (*colloquendo interim cum Christo*) ¹⁾, слѣдуетъ приводить на память и души тѣхъ, которые осуждены на адскія мученія или потому что не хотѣли вѣровать въ пришествіе Христа, или, хотя и вѣровали, однако же не вели жизнь, сообразную съ заповѣдями Его“.

Конецъ полагается чтеніемъ молитвы „Отче нашъ“ (pag. 69—71).

А вотъ и еще небольшой примѣръ изъ той же книжки. Одно изъ упражненій *второй* недѣли, заключающее въ себѣ *cozercatione царства Христова*, предписываетъ упражняющемуся „воспринимать *внутреннимъ слухомъ* (*auditu interno* exsurgere), что говорятъ между собою—Божественныя Лица на небѣ объ искупленіи человѣческаго рода,—Пречистая Дѣва и Ангель въ келліи о тайнѣ воплощенія“... (pag. 89—90).

Этихъ немногихъ примѣровъ, думается, достаточно для того, чтобы выяснитъ самую сущность іезуитскихъ „духовныхъ упражненій“. Очевидно, центръ тяжести ихъ лежитъ всецѣло въ усиленной дѣятельности воображенія, направленаго на религіозную сферу. Въ воображеніи своемъ іезуитъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ и даже вкусомъ ощущаетъ самыя разнообразныя предметы потусторонняго міра, онъ живо созерцаетъ этотъ міръ въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ; попеременно нисходитъ онъ съ неба въ адъ и восходитъ обратно; внимаеть глаголамъ Божественныхъ Лицъ и самъ свободно вступаетъ въ разговоръ съ ними... Далеко ли отъ всего этого до галлюцинацій,—пусть рѣшитъ читатель (особенно принявъ во вниманіе вышеуказанную внѣшнюю обстановку упражненій). Мы же позволимъ себѣ закончить рѣчь о достоинствѣ Лойо-

¹⁾ Я умышленно ставлю здѣсь слово „разговаривая“ вм. „бесѣдуя“, потому что всякій православный христіанинъ понимаетъ „бесѣду“ съ Господомъ Богомъ только въ смыслѣ молитвеннаго обращенія къ Нему; въ дальномъ же мѣстѣ экзерцицій разумѣется собственно не молитва, а именно „разговоръ“ со Христомъ, конечно—опять таки разговоръ въ воображеніи—colloquium per imaginationem.

ловскихъ духовныхъ упражненій слѣдующими словами Гриззингера:

„Можно себя представить, какое сильное впечатлѣніе произведутъ эти размышленія и созерцанія на человека слабого, съ неправильно развитымъ воображеніемъ, съ больной головой, испытавшаго въ жизни однѣ невзгоды и несчастія!... Вообразите себя какого-нибудь юношу, которому жизнь еще незнакома или котораго первоо разочарованіе заставляетъ искать уединенія. Духовникъ вручаетъ ему книжечку Упражненій. Онъ запирается на цѣлый мѣсяцъ въ маленькой мрачной комнаткѣ, не говоритъ и не видитъ никого, кромѣ своего духовника, и цѣлый мѣсяцъ живетъ такъ, изошряя свое воображеніе, чтобы довести себя до галлюцинацій; вызываетъ видѣнія, которыя говорятъ съ нимъ, дотрогивается до ихъ одеждъ и цѣлуетъ ихъ; а если ему явится не то видѣніе, какое ему нужно, начинаетъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ, бичевать и истязать свое тѣло, дабы окончательно лишиться разсудка, который еще не совѣмъ его покинулъ“¹⁾....

Другое, несравненно болѣе сильное, средство къ подавленію индивидуальнаго благочестія и къ замѣнѣ его шаблонно-иезуитскимъ авторъ брошюры указываетъ въ такъ называемыхъ „отчетахъ совѣсти“ (Gewissenrechnung). Говоря кратко, „отчетъ совѣсти“ есть беззавѣтное и всецѣлое раскрытіе своего внутреннѣйшаго существа, совершаемое подчиненнымъ предъ начальникомъ или его замѣстителемъ, раскрытіе всей внутренней жизни въ ея сокровеннѣйшихъ движеніяхъ и изгибахъ, раскрытіе грѣховъ и пороковъ, добродѣтелей и добрыхъ дѣлъ, склонностей и желаній, намѣреній и стремленій, словъ, дѣлъ и помышлений (стр. 24). А чтобы нагляднѣе выяснитъ значеніе этого средства и вмѣстѣ незаконность его, авторъ сопоставляетъ его съ исповѣдію.

„Что такое исповѣдь,—говоритъ онъ,—знаетъ каждый католикъ, знаютъ и многіе протестанты. Поэтому нѣтъ надобности напоминать, какъ глубоко проникаетъ она въ человеческое внутреннее существо, какія требованія часто поста-

вляетъ она для борьбы съ самимъ собою. Но *исповѣдь ничто въ сравненіи съ иезуитскимъ отчетомъ совѣсти.*— Въ исповѣди католикъ видитъ таинство, т. е. учрежденіе Самого Бога, и этой высочайшей волѣ онъ охотно покаяется, иезуитскій же отчетъ совѣсти есть учрежденіе чисто-человѣческое. При исповѣди тяжесть самообличенія облегчается сознаніемъ, что все сказанное останется погребеннымъ подъ молчаливою печатью таинства, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, ни прямо, ни косвенно, духовникъ не сдѣлаетъ употребленія изъ высказаннаго ему при покаяніи; при иезуитскомъ отчетѣ совѣсти не только нѣтъ такого ручательства, но наоборотъ—иезуитъ отлично знаетъ, что начальникъ, предъ которымъ онъ раскрылъ себя, непременно сдѣлаетъ употребленіе изъ этого раскрытія „на пользу ордена“, что слѣдовательно положеніе и родъ занятій его во многихъ случаяхъ зависятъ отъ содержанія даннаго имъ раскрытія совѣсти. При исповѣди кающійся обязанъ исповѣдать только тяжкіе грѣхи¹⁾,—большаго слѣдовательно и Самъ Богъ не требуетъ отъ своего творенія; въ иезуитскомъ отчетѣ совѣсти человекъ (въ лицѣ начальника) требуетъ отъ человека же (подчиненнаго) гораздо большаго: не только грѣхи, но—какъ мы видѣли—*все* должно быть тамъ раскрыто“.

„Исповѣдь,—продолжаетъ авторъ свое сопоставленіе,—обязательна для католическаго христіанина только одинъ разъ въ году, а иезуитскій отчетъ совѣсти?—При началѣ „новиціата“ новицій обязанъ письменно изложить отчетъ совѣсти за всю свою прежнюю жизнь. Все, что, по католическому ученію, давнымъ давно уже изглажено въ исповѣди и что прощено и забыто Самимъ Богомъ, въ томъ

¹⁾ Авторъ, какъ истый католикъ, держится конечно воззрѣнія своей церкви, о которомъ мы имѣли случай говорить раньше въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 21 (въ статьѣ: „Превосходство православной исповѣди предъ иезуитско-католическою“). Здѣсь эта особенность для насъ довольно безразлична и не вызываетъ на возраженія, такъ какъ основная-то мысль автора совершенно вѣрна; дѣйствительно вѣдь иезуитскій отчетъ совѣсти по содержанію своему далеко превосходитъ исповѣдь: въ исповѣди открываются грѣхи (конечно, не только тяжкіе, но и простительные) и грѣховныя склонности, въ отчетѣ же раскрывается рѣшительно *все*, даже добродѣтели, добрая дѣла, намѣренія и мысли,—о чемъ на исповѣди кающагося грѣшнику разглаговольствовать не подобаетъ.

¹⁾ Гриззингеръ. Иезуиты. Полная исторія ихъ явныхъ и тайныхъ дѣяній. Т. 2 стр. 250.

числѣ и сокровеннѣйшіе грѣхи, все это должно быть вновь открыто иезуитскому начальнику. А за этимъ первымъ великимъ отчетомъ совѣсти слѣдуетъ еще цѣлый рядъ отчетовъ въ продолженіе всего новиціата, еженедѣльно—въ меньшихъ размѣрахъ, и ежемѣсячно—опять таки въ большихъ; такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ новиціата каждый отдѣльный новицій долженъ представить по меньшей мѣрѣ 104 отчета совѣсти. — Когда затѣмъ новицій дастъ простѣйшіе обѣты ордена и сдѣлается „схоластикомъ“, тогда еженедѣльный отчетъ становится для него необязательнымъ, но все-таки-жъ очень рекомендуется ему; ежемѣсячный же отчетъ совѣсти остается и для него обязательнымъ по-прежнему. Къ этому присоединяется еще особый отчетъ на каждое полугодіе, приурочиваемый ко времени возобновленія обѣтовъ, и наконецъ—отчетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, бывающій при ежегодныхъ посѣщеніяхъ каждаго дома ордена провинціаломъ. Съ такимъ числомъ отчетовъ совѣсти проходитъ все время „схоластиката“, которое рѣдко продолжается менѣе десяти лѣтъ. — Потомъ въ „терціатѣ“, который есть собственно третій годъ новиціата по завершеніи школьнаго иезуитскаго образованія, снова является обязательнымъ тоже число отчетовъ совѣсти, какъ и въ самомъ новиціатѣ (т. е. 52). — По окончаніи терціата до произнесенія послѣднихъ обѣтовъ ордена остается обязательнымъ полугодичный отчетъ совѣсти; а по произнесеніи этихъ обѣтовъ иезуитъ обязанъ давать ежегодный отчетъ предъ провинціаломъ“ (стр. 25—27).

Указанное число отчетовъ совѣсти въ разныхъ стадіяхъ иезуитизма точно опредѣлено уставомъ ордена. Но кромѣ этихъ точныхъ и подробныхъ опредѣленій, въ уставѣ имѣется еще весьма неопредѣленная и весьма маленькая, почти незамѣтная и въ тоже время весьма достойная замѣчанія, добавка,—именно: „и какъ бы часто ни заблагоразсудилось начальнику“. Это значитъ, что всякій начальникъ отъ всякаго своего подчиненнаго имѣетъ право потребовать отчета совѣсти, когда захочетъ и сколько разъ хочетъ.

„Ясно,—заключаетъ авторъ,—вся внутренняя религіозная жизнь иезуита крѣпко и цѣликомъ держится въ рукахъ начальства, благодаря этому учрежденію отчетовъ совѣсти. Позволительно спросить: кто во всемъ мірѣ даетъ чело-

вѣку (вѣдь иезуитскіе начальники все-же люди, хотя-бы даже самъ Игнатій Лойола) право возлагать на душу другаго челоѣка такое бремя, бремя болѣе тяжкое, чѣмъ исповѣдь при таинствѣ покаянія, и къ тому же—не имѣющее сакраментальнаго дѣйствія ¹⁾ и сакраментальныхъ гарантій?! ²⁾ (стр. 27).

Нѣсколько разныхъ отвѣтовъ предвидитъ себѣ авторъ брошюры (впрочемъ, отвѣтовъ непрямыхъ) и предусмотрительно устраняетъ ихъ.

Прежде всего, нѣкоторые могутъ сказать, что каждому иезуиту позволительно давать отчетъ совѣсти въ формѣ *тайнства* исповѣди и такимъ образомъ облегчать себѣ тяжесть этого бремени. Но, по словамъ автора, это нисколько не облегчаетъ указанной тяжести, во-первыхъ—потому, что иезуитъ и тогда не былъ бы свободенъ въ выборѣ духовника, а обязанъ былъ бы исповѣдаться своимъ начальникамъ, во-вторыхъ—потому, что въ такой исповѣди онъ долженъ былъ бы раскрывать гораздо больше, нежели сколько требуется собственно для таинства, именно—не только тяжкіе грѣхи, но (какъ было показано выше) всю цѣликомъ душевную свою жизнь, и въ третьихъ—онъ былъ бы вынужденъ приносить исповѣдь столько именно разъ и въ то именно время, какъ опредѣлено начальствомъ, тогда какъ при разсужденіи о таинствѣ покаянія каждый свободенъ и по вопросу: когда? и по вопросу: сколько часто? Вдобавокъ ко всему этому оказывается, что возможность представлять отчетъ совѣсти въ формѣ исповѣди существуетъ лишь на бумагѣ, въ писанныхъ иезуитскихъ правилахъ, а въ дѣйствительности жизненною практикою эта возможность совершенно и давно устранена. Авторитетный генераль ордена Клавдій Аквавива постановилъ общимъ правиломъ, что даже и въ томъ случаѣ, когда отчетъ совѣсти представляется въ формѣ таинства исповѣди, начальникъ можетъ извѣстнымъ образомъ воспользоваться сказаннымъ на этой исповѣди. „Итакъ,—воскликаетъ съ горечью нашъ авторъ,—человѣческая рука сломала печать, наложенную Самимъ Богомъ

¹⁾ Т. е. не дающее благодушнаго разрѣшенія грѣховъ.

²⁾ Т. е. не общающееся безусловно-молчаливой тайны.

на *таинство*, сломала ради... іезуитскаго отчета совѣсти!!“ (стр. 27—29).

Другіе, признавая вполне подавляющую тяжесть іезуитскихъ отчетовъ совѣсти, могутъ пожалуй сказать, что обязанность эта принимается каждымъ добровольно, ибо новиціи при самомъ вступленіи своемъ въ орденъ узнають, что предстоитъ ему, и затѣмъ въ продолженіе года ему часто напоминаетъ эта обязанность отчетовъ совѣсти; слѣдовательно, если для него эта обязанность слишкомъ тяжела, онъ можетъ разстаться съ орденомъ, пока еще не вступилъ въ него окончательно. — И это возраженіе оказывается правдоподобнымъ лишь по буквѣ, но не по существу. „Новицію, — замѣчаетъ авторъ, — дѣйствительно неоднократно указывается на отчеты совѣсти; но о подавляющей тяжести этого учрежденія изъ сотни новиціевъ развѣ только одинъ имѣетъ, не говорю уже—знаніе, а хотя бы нѣкоторое предчувствіе... Юношескій возрастъ новиціи и то первоначальное увлеченіе, съ какимъ онъ принимаетъ все относящееся къ жизни ордена, отодвигаютъ всякую тяжесть на задній планъ“ (стр. 29).

Напомнимъ здѣсь, что все это говоритъ авторъ по собственному опыту и наблюденію...

Послѣ описанныхъ „духовныхъ упражненій“ и „отчетовъ совѣсти“ Гёнсбрехъ не считалъ нужнымъ много распространяться о другихъ подобныхъ же средствахъ, направленныхъ къ той же самой цѣли, — къ тому, чтобы въ точности знать и всегда держать подъ строжайшимъ контролемъ ордена внутреннюю жизнь каждаго индивидуума, его образъ мысленія и религіозно-нравственнаго настроенія. Мимоходомъ лишь и вкратцѣ упоминаетъ онъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ, напр. о томъ, что ни одинъ іезуитъ не свободенъ въ выборѣ себѣ духовника, — выбирать онъ можетъ лишь изъ очень ограниченаго числа духовниковъ того же самаго ордена; а въ томъ случаѣ, когда около него будетъ находиться *одинъ* только духовникъ-іезуитъ, онъ *обязанъ* исповѣдаться непременно у него и не имѣетъ права обратиться къ какому-либо мірскому священнику или къ священнику другаго ордена; если же путешествующій іезуитъ, за полнымъ отсутствіемъ духовниковъ своего ордена, принесетъ исповѣданіе грѣховъ какому-либо другому священнику, то, по возвращеніи въ домъ ордена, онъ обязанъ

повторить эту же самую исповѣдь своему обычному духовнику ¹⁾. Точно также не свободенъ іезуитъ приступать и къ другимъ таинствамъ по своему собственному желанію: — ему въ точности предписано начальствомъ, сколь часто и когда онъ можетъ просить благодати.

Какъ ни важно значеніе всѣхъ такихъ средствъ и мѣропріятій, однако жъ оно не можетъ, конечно, равняться съ дѣйствіемъ знаменитыхъ „отчетовъ совѣсти“; и потому Гёнсбрехъ совершенно правъ, удѣливъ почти все свое вниманіе этимъ послѣднимъ. О нихъ-то скажемъ и мы нѣсколько словъ, во избѣжаніе нѣкоторыхъ недоразумѣній.

Весьма возможно, что рьяные поклонники іезуитизма, — каковыя въ нашемъ обществѣ несомнѣнно и къ крайнему прискорбію существуютъ, — безъ всякаго зазрѣнія совѣсти вздумаютъ сравнить іезуитское учрежденіе „отчетовъ совѣсти“ съ такъ-называемымъ „старчествомъ“ нѣкоторыхъ нашихъ лучшихъ иноческихъ обителей. Могутъ сказать, что и приходящіе къ старцамъ точно также должны раскрывать имъ не только грѣховныя свои дѣянія и грѣховныя помыслы, но цѣликомъ всю свою внутреннюю жизнь, что они должны дѣлать это какъ можно чаще и что благодаря этому учрежденію старчества открывается возможность такъ же сильно дѣйствовать на молодыхъ иноковъ, какъ благодаря отчетамъ совѣсти дѣйствуютъ мудрые оо. іезуиты... Въ виду возможности подобныхъ кривотолковъ и для устраненія ихъ считаемъ долгомъ своимъ показать, что старчество православное имѣетъ въ дѣйствительности совсѣмъ иной *характеръ* и совсѣмъ иную *цѣль*, нежели іезуитскіе отчеты совѣсти.

Прежде всего, „старчество“ оставляетъ свободу личности неприкосновенною. „Старцы“ отнюдь не вторгаются насильственно въ душевный міръ руководимыхъ ими. Ищущіе руководства

¹⁾ Чѣмъ могло бы быть оправдано такое беззаконіе? Въ исповѣдь, правильно совершенная предъ всякимъ священникомъ, даже по католическому ученію, должна считаться дѣйствительною; и если священникъ разрѣшилъ кающагося, то какъ можно заставлять послѣдняго повторять свою исповѣдь, когда грѣхи его прощены и изглажены Самимъ Богомъ? Требовать этого повторенія не значило ли бы кощунственно попирать святую таинства, совершеннаго другимъ священникомъ?.. И не фарисейская ли гордыня сказывается здѣсь? мы-де не якоже прочіи священники...

ихъ идутъ къ нимъ добровольно, раскрываютъ наболѣвшія сердечныя раны свои, когда сами того захотятъ, а не по начальственному установленію—столько-то разъ въ году. Мы видѣли маленькую добавку іезуитскаго устава, гласящую, что подчиненные представляютъ отчеты совѣсти всякій разъ, какъ начальствующие того захотятъ. Въ православномъ старцествѣ, наоборотъ, раскрывается грѣшная немощная душа всякій разъ и столько разъ, какъ сама того захочетъ, а не тогда, когда захочетъ ея руководитель-старецъ или высшее начальство. Это оттого, что и цѣль-то старческаго врачеванія совѣсти заключается отнюдь не въ интересахъ какой-либо монашеской общины, не „въ пользѣ ордена“, а въ нравственномъ благѣ самой же врачуемой личности. Не то здѣсь важно, *своему* ли духовнику, или же *постороннему*, раскрылъ грѣховныя язвы свои покаявшійся грѣшникъ, а то, снискалъ ли онъ душѣ своей примиреніе съ Богомъ, искренно ли онъ раскаялся, имѣетъ ли сердце сокрушенное и твердое намѣреніе впредь исправиться. При наличности этихъ условій отъ него не потребуются повторенія исповѣди, хотя бы онъ совершилъ ее не предъ своимъ монашескимъ духовникомъ, а предъ постороннимъ мирскимъ священникомъ, —не потребуются конечно потому, что душа его сподобилась уже благодатнаго дара, интересамъ же общины здѣсь не должно быть мѣста.—Все это такія существенныя особенности, въ которыхъ обнаруживается коренное отличіе православнаго „старчества“ отъ іезуитскихъ „отчетовъ совѣсти“ и неизмѣримое нравственное превосходство перваго предъ послѣдними.

Показавъ, какими путями вторгается іезуитизмъ во внутреннюю жизнь каждаго отдѣльнаго своего члена, съ цѣлію придать ему религіозно-нравственный обликъ по опредѣленному шаблону своего ордена, графъ Гёнсбрехъ переходитъ далѣе къ выясненію того, какими способами и до какой степени подавляетъ іезуитизмъ свободу индивидуальности въ области *научныхъ занятій*.

Нѣкоторая доля свободы оставляется здѣсь лишь при филологическихъ и математическихъ изслѣдованіяхъ; это потому, что уже самый предметъ и характеръ такихъ изслѣ-

дованій въ значительной мѣрѣ ограничиваетъ и исключаетъ индивидуальную самостоятельность. И въ этомъ именно Гёнсбрехъ усматриваетъ главную причину, по которой въ области математики и сродной съ ней астрономіи орденъ іезуитовъ совершилъ по истинѣ выдающіеся труды. За-то въ области философіи, богословія, литературы—іезуитскіе труды поражаютъ своею шаблонностію, полнымъ отсутствіемъ оригинальности, однообразіемъ даже въ стилѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста для того, что носило бы индивидуальный отпечатокъ; да его и быть не можетъ.

Совершенно такъ же, какъ при религіозномъ развитіи іезуита, его стараются тщательно оберегать отъ всякаго малѣйшаго чуждаго вліянія и при научномъ образованіи. „Произведенія не-іезуитскихъ авторовъ дѣлаются доступными учащемуся іезуиту только въ очень ограниченной мѣрѣ, и никогда — по собственному его свободному выбору, но всегда по выбору тѣхъ, кто руководитъ его занятіями. Специально-научная періодическая литература, въ которой собственно и находится свое выраженіе умственная жизнь даннаго времени, остается для учащагося іезуита по принципу воспрещенною и недоступною. То, что удается ему видѣть изъ этой литературы, суть обыкновенно или исключительно іезуитскіе журналы, или же такіе, которые никоимъ образомъ не могутъ быть названы специально-научными (fachwissenschaftliche)“. — „Такъ и происходитъ, что послѣ семилѣтняго обученія юный іезуитъ заканчиваетъ свое образованіе, вооруженный всѣмъ философски-богословскимъ остроуміемъ прошлыхъ столѣтій, съ головою переполненною именами давно вымершихъ системъ и оставшихся безъ вліянія средневѣковыхъ ученыхъ, но въ полномъ почти невѣдѣніи объ умственной жизни настоящаго времени, о живыхъ и дѣйствующихъ научныхъ направленіяхъ, которыхъ онъ по большей части не знаетъ даже только по именамъ, ни въ ихъ представителяхъ, ни въ ихъ произведеніяхъ“ (стр. 33—34).

„Если бы занимающійся іезуитъ захотѣлъ что-нибудь почитать, возбудить и оживить умъ свой знакомствомъ съ сочиненіями иныхъ направленій, то ему, —хотя бы то былъ и зрѣлый мужъ, —отнюдь не предоставлена, какъ другимъ ученымъ, бібліотека для свободнаго пользованія, но онъ

долженъ обратиться къ своимъ начальникамъ, и по ихъ усмотрѣнiю желанiе его или будетъ исполнено, или же нѣтъ. Что при этомъ очень часто господствуетъ самый узкiй и ограниченный взглядъ (*engherzige Auffassung*), явствуетъ само собою“ (стр. 34).

„Такая, почти герметическая, замкнутость отъ всякихъ чуждыхъ влiянiй сообщаетъ, конечно, иезуитскому образованию концентрацiю. Но эта концентрацiя совершается въ ущербъ индивидуальности, самостоятельности, пожалуй даже въ ущербъ энергiи умственныхъ силъ: вѣчное научное однообразiе въ содержанiи и формѣ препятствуетъ свободнымъ порывамъ, надламываетъ силу; постепенно люди перестаютъ уже изслѣдовать самостоятельно, ходятъ своими собственными неизбитыми путями;—входятъ навсегда въ одну привычную колею“ (стр. 35).

„Ко всему этому присоединяется еще дальнѣйшее средство, которое довершаетъ нивелирующую работу и какъ бы желѣзной хваткой душитъ въ зародышѣ всякое научное стремленiе съ отбѣнкомъ индивидуальности. Это—*цензура*“.

„Съ самаго начала обученiя вступаетъ она въ дѣйствiе, сопровождаетъ учащагося иезуита чрезъ всѣ годы его образованiя и затѣмъ, по окончанiи его, ведетъ строжайшiй надзоръ за научной и вообще писательской дѣятельностiю иезуита... Мнѣнiямъ и свободнымъ взглядамъ, сколько-нибудь уклоняющимся отъ принятыхъ доктринъ, — не говоримъ уже— отъ догматическiхъ утвержденныхъ ученiй, — противустоятъ неумолимое „*non placet*“, и гениальнымъ умамъ, рвущимся къ возвышенному полету, безжалостно обрѣзаются крылья. Ясно само собою, что въ продолженiе многихъ лѣтъ обученiя такую цензурою достигается научный шаблонъ, заготовляется опредѣленная выкройка ученаго одѣянiя. Такимъ образомъ, ученый иезуитъ въ большинствѣ случаевъ выступаетъ въ публику въ совершенно готовой уже формѣ, и цензурѣ остается позаботиться лишь о томъ, чтобы охранять установленный уровень научности *in statu quo*. А если бы, вопреки этому, болѣе или менѣе самостоятельный умъ захотѣлъ проявить свою самостоятельность ошутительнымъ образомъ, то охранительная дѣятельность цензуры немедленно превращается въ безпощадно-сокрушительную. Перовыврывается изъ рукъ провинившагося и онъ самъ бываетъ

вынужденъ искать другаго занятiя. Такимъ способомъ подавлено уже много крупныхъ талантовъ и отнято у науки“ (стр. 36—37).

„Итакъ,—заключаетъ Гёнсбрехъ,—вся индивидуальность человѣка, въ ея тройственномъ проявленiи, крѣпко захватывается и держится въ тискахъ разными учреждениями иезуитскаго ордена. Но слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ учрежденiи, которое сопровождаетъ и поддерживаетъ всѣ другiя; это—*непрерывное наблюдение* за каждымъ отдѣльнымъ членомъ и *постоянныя донесенiя* о немъ начальникамъ ордена“.

„Нигдѣ эта система наблюденiй и донесенiй не имѣетъ такихъ широкихъ размѣровъ и такого влiянiя, какъ въ иезуитскомъ орднѣ... Иезуитская система наблюденiй проникаетъ во всѣ жизненныя отношенiя членовъ ордена, и то, что оставили въ цѣлости и неповрежденности прочiя средства къ подавленiю индивидуальности, нивелируется окончательно этимъ послѣднимъ средствомъ. Дѣло не въ томъ, что эти донесенiя начальству даютъ чувствовать себя виѣшнимъ образомъ каждому отдѣльному лицу и насильственно стѣсняють его дѣятельность; нѣтъ,—но сознанiе, что начальству представляется докладъ рѣшительно обо всемъ, дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на индивидуальное развитiе: люди зачастую проявляютъ себя не такими, каковы они внутренне, говорятъ не такъ, какъ думаютъ, принимаютъ въ соображенiе то и другое, и постепенно самостоятельность дѣйствованiя, говоренiя, даже мысленiя—гибнетъ въ значительной мѣрѣ“ (стр. 37—38).

Приведенныя выдержки хорошо говорятъ сами по себѣ; прибавлять къ нимъ нечего. Не можемъ лишь не выразить удивленiя,—почему Гёнсбрехъ отказывается назвать иезуитскую систему постояннаго наблюденiя и донесенiя (*Ueberwachungs—und Berichterstattungssystem*) „системою хитраго шпионства“ и утверждаетъ даже, будто орденъ иезуитскiй „осуждаетъ“ шпионство (стр. 37). Чтѣ же тогда и называть *шпионствомъ*, какъ не эту именно, сейчасъ описанную, систему?! А институтъ „ангеловъ-хранителей“, о которомъ говорили мы вначалѣ статьи, не то же ли шпионство?!.

Остается теперь прослѣдить, какими доводами подтверждаетъ авторъ брошюры второй свой тезисъ, т. е. что „іезуитизмъ подавляетъ, даже въ извѣстной степени уничтожаетъ законное чувство національности, законный *патриотизмъ*“.

Упразднивъ *ложный* патриотизмъ языческаго міра, смотрѣвшаго на всѣ чуждыя національности какъ на враговъ и варваровъ, которыхъ всего лучше совсѣмъ уничтожить, христіанство провозгласило всеобщее братство людей: всѣ люди—дѣти одного Бога, всѣ призваны къ одному и тому же вѣчному наслѣдію, всѣ искуплены однимъ и тѣмъ же Искупителемъ. Но за *истиннымъ* патриотизмомъ и за истиннымъ чувствомъ національности признается вполнѣ законное право и въ христіанствѣ. Неизмѣнная, преданная любовь къ родному отечеству составляетъ принадлежность самой природы человѣка, слѣдовательно—вложена въ сердце наше Самимъ Богомъ.

Такимъ разсужденіемъ начинаетъ авторъ вторую часть своей брошюры и затѣмъ прямо ставитъ вопросъ: „охраняется ли и поддерживается ли этотъ (истинный) патриотизмъ въ іезуитизмѣ?—Нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ съ рѣшительностію.

„Отнюдь не хочу я утверждать,— продолжаетъ онъ,— что подавленіе его въ іезуитизмѣ поставляется какъ особая цѣль; но оно съ необходимостію вытекаетъ изъ всей системы,— потому именно, что эта система трудится надъ *нивелировкой* внутренняго настроенія, — потому, что постепенно, но съ вѣрнымъ расчетомъ развиваетъ она полное равнодушіе и безразличное отношеніе къ мѣсту жительства, къ языку и политическимъ учрежденіямъ: Европа или Азія, нѣмецкій или французскій языкъ, республика или монархія, это—*suppositis supponendis* — совершенно одно и то же, вполнѣ равнозначительно. Іезуитъ такъ воспитывается, что онъ во всѣхъ этихъ различныхъ условіяхъ чувствуетъ себя одинаково хорошо, какъ дома“.

„Ужѣ потому именно, что орденъ хочетъ быть *единымъ* организмомъ съ *одинаковою* жизнію, съ *одинаковыми* чувствами и съ *одинаковымъ* мышленіемъ во всѣхъ отдѣльных членахъ,—уже поэтому здѣсь не можетъ быть рѣчи о развитіи или даже только о поддержаніи патриотизма.

Если нѣмцы и французы, англичане и русскіе, поляки, испанцы, итальянцы, американцы, шведы, датчане, венгерцы, японцы и китайцы должны быть проникнуты *одинаковымъ настроеніемъ*, тогда все особенное и своеобразное, что принадлежитъ каждой отдѣльной изъ этихъ націй, должно быть отринуто,—а именно въ этомъ-то особенномъ и своеобразномъ лежитъ центръ тяжести патриотизма“ (стр. 38—39).

„И чѣмъ космополитичнѣе іезуитъ, чѣмъ меньше по *настроенію* своему, а не только по дѣйствіямъ (это важно отмѣтить) тяготѣетъ онъ къ отечеству и родной землѣ, чѣмъ равнодушнѣе къ формѣ правленія, подъ охраной которой живетъ,—тѣмъ онъ лучше, тѣмъ ближе къ идеалу іезуита“ (стр. 40).

Къ этому-то идеалу стремится іезуитское воспитаніе. „Отъ самаго вступленія въ орденъ даже до конца жизни іезуиту внушается, что онъ живетъ для міра, а не для той или другой націи; практически дается ему это понять отправленіемъ въ самыя разнообразныя земли. Изъ Германіи во Францію, въ Америку, Индію, Бразилію, Италію, Швецію;—тамъ онъ долженъ съ возможною точностію ознакомиться и скитаться съ мѣстными соціальными и политическими отношеніями, принаровиться къ народному характеру, къ народнымъ воззрѣніямъ“.

„Такая система,—заключаетъ авторъ,—дастъ въ результатѣ съ безупречнымъ однообразіемъ дѣйствующія *силы*, но отнюдь не *патриотовъ*“ (стр. 43).

Авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ оговорку.

„Если я,—говоритъ онъ,—отрицаю у іезуитскаго ордена *патриотизмъ*, то я вовсе не хочу упрекнуть его въ *антипатриотизмъ*. Государственное устройство, законная власть всегда и повсюду найдутъ себѣ въ іезуитскомъ орденѣ надежнаго союзника, но только не охранителя и не воспитателя патриотизма. — Да и эти послѣднія слова долженъ я оградить отъ неправильнаго пониманія. Они относятся только къ тому воспитанію, которое даетъ орденъ своимъ собственнымъ членамъ; но они не относятся къ той системѣ воспитанія, которая имѣетъ въ виду постороннее юношество въ іезуитскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Здѣсь имѣетъ еще мѣсто развитіе патриотическаго настроенія, но самъ іезуитъ и іезуитская система не знаютъ его“ (стр. 41—42).

Довольно трудно согласиться вполне съ этою оговоркою автора. Сомнительнымъ представляется, чтобы іезуиты *развидали* патріотическое чувство въ постороннихъ питомцахъ своихъ школъ. Вѣдь, сами учителя и воспитатели въ этихъ школахъ—оо. іезуиты—не имѣютъ въ себѣ ни малѣйшаго патріотизма и чувство любви къ отечеству имъ совсѣмъ не вѣдомо (развѣ лишь по воспоминаніямъ дѣтства, да по книжкамъ). Какъ же могутъ они развивать его въ своихъ питомцахъ? Какъ могутъ они дать питомцамъ то, чего и сами не имѣютъ? Не имѣющій любви можетъ ли научить любви?!

Но какъ бы то ни было, оговорка эта во-очію показываетъ, какъ безпристрастенъ Гёнсбрехъ въ своихъ отзывахъ объ іезуитизмѣ, какъ далекъ онъ отъ всякихъ личныхъ обвиненій и наговоровъ на этотъ орденъ. Тѣмъ-то и дорого для насъ его свидѣтельство; потому-то и рѣшились мы охарактеризовать отношеніе іезуитизма къ личности по его брошюрѣ.

А. Шостъинъ.

садъ.

и въ
дшую
обен-
наго
жото-

ѣ на
ціяхъ

еской
италь
рави-
нымъ